

Он прислонился к стволу дерева и присел на корточки, немного помедлив, затем рассказал всё в общих чертах.

— Чёрт, дай мне переварить, — тихо сказал Пань Шичэн на другом конце провода.

Сун Хайлинь молчал. В голове было сумбурно.

Он всегда избегал глубоко думать о сложных вещах, обычно его хватало на один раз, а дальше мозг начинал путаться, и он просто делал вид, что забыл. Поэтому, впервые рассказывая об этом Паню, он просто изложил факты, не зная, что ещё добавить. Не то чтобы он не хотел делиться своими мыслями. Просто их не было.

Он боялся, что Пань Шичэн, поняв суть, спросит: «Что ты думаешь?»

«Я ничего не думаю», — подумал он.

К счастью, за все эти годы Пань Шичэн его хорошо знал, поэтому, помолчав, он позвал:

— Да Линь?

— Угу.

— Я думаю, — сказал Пань Шичэн, — что это не обязательно означает, что у тебя есть к нему чувства. Ты просто встретил человека, который разделяет твою ориентацию, и он сам по себе довольно привлекательный... Ты знаешь, что такое групповой эффект? Когда встречаешь человека своего круга, невольно тянешься к нему, это чувство принадлежности есть у всех.

— Я не знаю, он ли это.

Сун Хайлинь ковырял камешек, наполовину зарытый в землю.

— Иначе было бы меньше сомнений.

Пань Шичэн тихо рассмеялся на другом конце провода.

— Ты кого обманываешь? — сказал Пань Шичэн. — Я не знаю, он ли это, но ты сам в душе уверен, что он такой.

— Я...

Сун Хайлинь начал говорить, но Пань Шичэн тут же его прервал.

— С первого дня, как ты его увидел, когда прочитал ту заметку, у тебя уже была эта мысль, даже если ты тогда не был уверен, но она точно была. А потом ты просто продолжал внушать себе, что он такой.

Пань Шичэн логично рассуждал.

— Сам себе скажи, ты ведь уже давно это себе внушал.

Пока Сун Хайлинь был в замешательстве, он подвёл итог:

— Ты на самом деле не влюблён в него.

Сун Хайлинь почувствовал, что, следуя логике Пана, всё звучало вполне правдоподобно.

Такую логику он сам бы не смог выстроить.

Как сказал Пань Шичэн, его чувства к Су Шэню — это просто ощущение принадлежности к одному кругу? Он не влюблён в Су Шэня, а просто внушил себе это чувство из-за своей принадлежности?

Незаметно наступил одиннадцатый день первого месяца.

Су Шэнь даже не сразу понял, что сегодня его день рождения, пока не зашёл на кухню и не увидел, что бабушка готовит лапшу долголетия. Он всегда считал, что отмечать день рождения — это бессмысленно, этот день не стоит праздновать. Разве что как отметку, что он стал на год старше.

На Новый год он становится на год старше.

На день рождения — тоже на год старше.

Когда эти два дня идут подряд, день рождения становится ещё менее значимым, даже его функция как отметки времени теряется на фоне Нового года.

В свой день рождения Су Шэнь обычно ел только миску лапши долголетия утром.

Но в их доме больше половины утренних завтраков — это лапша, так что, в общем-то, это ничем не отличалось от обычного дня.

Если подумать, одиннадцатый день первого месяца был очень обычным днём.

Су Шэнь медленно жевал лапшу, перелистывая журнал, который лежал рядом. В нём были так

называемые литературные произведения о ностальгии по деревне, написанные людьми среднего возраста. Он немного подумал, затем открыл другой журнал, яркий и красочный, с подростковыми драмами. Сравнив их, он забыл откусить лапшу, которая болталась у него изо рта.

Он откусил лапшу, закрыл журнал о ностальгии и начал внимательно читать подростковые драмы.

По сравнению с ностальгическими рассказами, подростковые драмы было легче имитировать. При равной оплате логично было выбрать то, что требует меньше времени. Это было то, что Су Шэнь понял с самого начала, когда начал писать статьи.

Никакой любви к этому делу у него давно не было.

До полудня Тянь Чжэ пришёл в дом Су Шэня с Гуданом на руках.

Су Шэнь всё ещё сидел, хмурясь, над журналом с подростковыми драмами, чувствуя, как комната наполнилась кисловатым запахом. Он протянул руку к Гудану:

— В этом времени, полном мелких солнечных осколков, я давно закрыл глаза, но ты пришёл ко мне, и я вынужден снова открыть их. Не для того, чтобы вдохнуть солнечный свет, не для того, чтобы поймать снежинки на ресницы, а только для того, чтобы снова поплакать о тебе — мой Гудан.

Тянь Чжэ поспешно отступил назад, держа Гудана.

Глядя Гудана по спине, он тихо успокаивал его:

— Не бойся, твой папа Су сейчас впал в транс.

— Ты уходишь от меня в его объятиях, но я всё равно хочу быть ближе к тебе, даже если ты весь пропитан чужим запахом.

Су Шэнь продолжал, не останавливаясь.

Тянь Чжэ кашлянул, взял со стола журнал с розовой обложкой, а Гудан мяукнул.

Он положил на стол небольшой пакет с приготовленным мясом:

— Передаю приказ от моей мамы.

Су Шэнь быстро повернулся и поклонился Тянь Чжэ:

— Ваш слуга принимает указ.

— По воле Неба, император...

Тянь Чжэ остановился, затем продолжил:

— Нет, императрица, по воле Неба императрица повелевает: поздравляю с днём рождения.

— Поздравляю, поздравляю, всеобщее ликование.

Су Шэнь улыбнулся, открывая пакет с мясом.

— Это с тмином?

— Конечно, ты же родной сын.

По традиции, после поздравления Тянь Чжэ этот день рождения был завершён.

Тянь Чжэ, держа Гудана, немного погрелся у печи, жуя жареное мясо, и сказал:

— Я приехал на машине, сегодня поедem в уездную больницу на осмотр.

— Не поеду.

Су Шэнь даже не задумался, ответ был резким.

— Ты...

Тянь Чжэ нахмурился.

— Не можешь не поехать, все ходят на осмотр раз в несколько месяцев, а ты уже год не был.

Су Шэнь сморщился:

— Сегодня у меня день рождения, нет торта, нет песни, и так уже достаточно грустно, а ещё и в больницу — это слишком.

Тянь Чжэ поднял брови.

— С днём рождения, с днём рождения, с днём рождения, с днём рождения!

Тянь Чжэ быстро и без эмоций пропел, а Гудан мяукал в такт.

— Всё, теперь не грустно.

— И ещё...

Су Шэнь не успел закончить, как Тянь Чжэ перебил:

— Ты не любишь сладкое, это мясо — твой торт.

— Эй, Эр Цзи.

Су Шэнь надулся.

— Я тебе говорил, что ты становишься всё больше похож на Гудана?

— Больница!

Тянь Чжэ был непреклонен.

— Да ты бесчувственный, кто отмечает день рождения в больнице?

Тянь Чжэ вздохнул:

— Я не хочу устраивать сцену, но в этом году всё иначе. Мастер У возвращается завтра, и мне нужно быть в мастерской, так что времени нет.

— В этом году не будем...

— Ни за что.

Тянь Чжэ прервал его.

— Любое из этих осложнений может убить тебя, а ты всё ещё не обращаешь на это внимания. Летом ты корчился от боли, забыл, что ли, и всё равно не хочешь идти в больницу!

Су Шэнь вздохнул:

— А Чжэ, правда, давай после сегодняшнего дня.

Тянь Чжэ посмотрел на него несколько секунд, затем сказал:

— Ладно, подождём, когда у меня будет выходной.

— Спасибо, Тянь Чжэ.

— Хм.

Тянь Чжэ не обратил внимания на его искреннюю благодарность.

За все эти годы, если бы он хотел благодарить, благодарностей набралось бы слишком много.

Честно говоря, ему было немного жаль. Нельзя винить Су Шэня за то, что он не хочет идти в больницу, потому что это не только вопрос денег, но и боль. Он каждый год видел, как Су Шэнь мучается, и каждый раз думал, что не выдержит. Такая толстая игла, пронзающая кость, — это невыносимая боль.

Но проверяться нужно.

С позвоночником шутки плохи, даже малейшее движение может стать фатальным. Обычный человек может кашлять, и ничего страшного, но Су Шэнь — другой. Поэтому каждый год нужно проверяться.

Вздых.

Никто не хочет страдать, но иногда это неизбежно.

Су Шэнь никогда не посещал могилы своих родителей в свой день рождения.

Потому что в деревне считается, что слишком часто ходить на могилы нельзя, а на Новый год он уже был, идти снова в день рождения — неправильно. Но в этот день рождения он вдруг захотел посмотреть на фотографии на надгробии, рассказать о своих сомнениях за это время, спросить их, что случилось в той аварии, и узнать, хотят ли они, чтобы это закончилось.

Возможно, из-за разговора о больнице его подавленные вопросы вырвались наружу.

Почему? Почему это случилось с ним?

<http://bllate.org/book/15285/1350541>